

рыя только притупляли, вели къ атрофированію разума,—отличительного свойства людей,—едва ли можетъ вызвать въ комъ либо сожалѣніе Планъ объединенія всѣхъ въ трудѣ познанія дѣлженъ встрѣтить величайшія затрудненія, потому что четыре вѣка проповѣди, будто люди назначены жить только для себя, для своихъ прихотей, достаточно развратили людей, обезсмыслили жизнь, вызвали вопросъ о смыслѣ жизни, о цѣли и цѣнности ея; благодаря этой проповѣди и въ предлагаемомъ планѣ, въ которомъ нѣть ни малѣйшаго произвола, большинство усмотритъ произвольное распоряженіе силами людей, нарушеніе правъ человѣческихъ, достоинства человѣчка, увидѣть рабство, египетскую работу, а не великое спасительное дѣло, рабство которому есть освобожденіе отъ рабства своимъ прихотямъ, т. е. отъ такого рабства, которое болѣе невыносимо, чѣмъ всякое другое; въ долгѣ увидятъ иго, въ обязанности—произволъ, хотя русская интеллигенція, или русское дворянство, самою исторіею было поставлено въ такое положеніе, въ которомъ могло и дѣйствительно испытало пустоту вольностей. Впрочемъ, винить въ этомъ нельзѧ, все это лишь дѣлство;—не признавать долга, обязанности—признакъ несовершеннолѣтія; но мы уже не маленькие. —Что сказано обѣ естествознаніи (или наукѣ о природѣ, астрономіи, знаніи неба), то же самое должно сказать и обѣ археологіи (или исторіи), обѣ археологическихъ съѣздахъ въ городахъ и обѣ обѣздахъ сель, обѣ устроеніи архивныхъ комиссій въ городахъ, и школъ—музеевъ въ селахъ; нужно признать также за каждымъ разумнымъ существомъ право или обязанность (смотря по степени нравственности, на которой стоитъ разумное существо, ибо что для однихъ добровольный долгъ или право, для другихъ—при нудительная обязанность)—быть историкомъ, какъ и естествоиспытателемъ. Такимъ образомъ, признавъ за каждымъ разумнымъ существомъ право или обязанность быть и историкомъ и естествоиспытателемъ школы—музеи, возводящіе всѣхъ въ историковъ и естествоиспытателей, соединять въ себѣ археологическое (или историческое) и естественное (или астрономическое), т. е. будуть наблюдалелями текущаго для возстановленія протекшаго; вмѣстѣ съ тѣмъ эти школы—музеи должны быть возведены и въ храмы—школы, посвященные Пресвятой Троицѣ, образцу единодушія для живущихъ, поставившихъ своею цѣлью всеобщее воскрешеніе умершихъ, возведшихъ всеобщее воскрешеніе умершихъ во всеобщее дѣло живущихъ. Такое обращеніе школъ—музеевъ въ школы—храмы Пресвятой Троицы показываетъ, что знаніе дѣлается священною религіозною связью всѣхъ; эта же священная обязанность требуетъ знанія отъ всѣхъ и знанія всего, т. е. чтобы всѣ стали познающими и все стало предметомъ знанія, и чтобы наука была выводомъ изъ наблюдений не кое-идти, кое-кѣмъ и кое-коида производимыхъ, а изъ наблюдений, производимыхъ всѣми, вездѣ и всегда.... Естествознаніе изучаетъ разрушающую силу, обращая ее въ возсозидающую, а археологія изучаетъ разрушенныя существа, возстановляя разрушенное; такимъ образомъ, въ дѣлѣ воскрешенія возсоединяются и археологи и натуралисты; но пока натуралисты будутъ смотрѣть на природу, какъ на силу рождающую, а археологи—какъ на силу разрушающую, до тѣхъ пори единства между ними быть не можетъ. Если естественники изучаютъ то, что есть, а археологи